

Алла Лупачева

ЛИС АБРАМОВИЧ

Алла Лупачева
Лис Абрамович

«Пробел-2000»

2018

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2 Рос=Рус)6-5

Лупачева А. Н.

Лис Абрамович / А. Н. Лупачева — «Пробел-2000», 2018

ISBN 978-5-98604-657-0

История, основанная на реальных событиях, подкупает своей искренностью. Подбрав на улице искалеченную собаку, герой не подозревает, какую важную роль она сыграет в его жизни, как повлияет эта случайная встреча на всю его семью. Борьба за жизнь собаки и поиски прежнего владельца наводят героя на размышления о собственной судьбе.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2 Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-98604-657-0

© Лупачева А. Н., 2018
© Пробел-2000, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алла Лупачева Лис Абрамович

*Собацьє сердце устроєно так:
Полюбило – значит, навек.
Вера Инбер «Сеттер Джек»*

Моим дорогим мужу и сыну

Рисунок на обложке: *Мария Волохонская*

© «Пробел-2000», 2018

© А. Лупачева, текст, 2018

Глава 1

Трагедии маленькие и большие

Весь високосный год был у Юли тяжелым, особенно последние месяцы. Недавняя смерть отца, болезнь любимой бездетной тетки, которой надо было постоянно помогать, готовить впрок еду, доставать лекарства, не говоря уже о своей семье, доме. На работе – нервотрепка перед сдачей годовых отчетов по темам, а после работы эти нескончаемые очереди в магазинах за всем и вся. Чувство безумной усталости не оставляло даже во сне. Вот и сегодня с самого утра у нее было какое-то странное, затуманенное состояние, будто загипнотизировали. Выходя из магазина, почти засыпая на ходу, она сунула кошелек в матерчатую сумку с продуктами и пошла к троллейбусной остановке.

Войдя в квартиру, Юля скинула засыпанное ранним снегом пальто, прошла на кухню, начала разбирать покупки и сразу заметила вертикальный разрез на сумке, где еще недавно сквозь ткань бугорком выпирал кошелек. Юля мгновенно все поняла: его ловко «вырезали» в троллейбусе, в толчее. И где – почти у самого дома! Она почти со злостью вытряхнула все покупки на стол – а вдруг просто завалился? Кошелек не было. Юля беспомощно опустилась на стул. Плакать было бессмысленно, но слезы все-таки покатались по щекам.

Посидев немного в растерянности, Юля вытерла слезы, умылась холодной водой и принялась раскладывать продукты по местам. Взглянув на пустую сахарницу, вздохнула – про сахар она совсем забыла. «Ну ничего, будем пить чай с вареньем», – успокоила она себя и зачем-то вышла в прихожую. Только теперь Юля заметила на полу то ли измятый, то ли скомканный лист компьютерной бумаги, на которой сын обычно печатал свои домашние работы по информатике. Сначала она хотела выбросить его в мусорное ведро, но потом решила, что сын мог обронить листок, второпях засовывая его в портфель. Она подняла его и попыталась разглядеть. На бумаге, похоже, оторванной от небольшого рулона, было напечатано сине-фиолетовыми буквами и значками что-то совершенно непонятное. На всякий случай до прихода сына Юля отложила листок в сторону и занялась ужином.

Скоро все было готово, а мужчины еще не появились. Тут ей пришла в голову отличная мысль: «Надо бы попробовать прогладить этот листок утюгом! Антону будет приятно». Не теряя времени, она быстро включила утюг и осторожно провела им по злополучной бумажке. Все буквы и значки мгновенно исчезли, слившись в одно синее пятно. Все пропало! Юля рванула утюг вверх, едва не ударив себя в лоб, и стала лихорадочно дуть на теплый листок в надежде, что сейчас он остынет и все незнакомые значки вернуться на места. Но бумага оставалась сплошь синей. Юля окончательно расстроилась – вот не заладился день с утра, и все тут! Она отнесла испорченный лист сыну на письменный стол и только потом заревела.

Прихода сына Юля ждала со страхом. Что будет крик, она не сомневалась. Мужчины пришли почти одновременно. Юля усадила их ужинать. О кошельке она решила сообщить мужу позже, наедине, а пока начала робко рассказывать сыну, что подобрала какой-то листок и... Все произошло так, как она и опасалась. Сын бушевал, Юля снова чуть не плакала, муж успокаивал обоих, объясняя, что мама никогда раньше не видела такой бумаги, и даже предложил написать записку математику. Сын разозлился еще больше: «Да если в классе узнают правду, все со смеха помрут! Лучше уж я сам перед уроком объясню, Мироныч поймет. А ты, мам, дай честное слово никогда больше не трогать моих вещей. И вообще, обещаю ко мне в комнату не заходить и со стола ничего не убирать. Я сам».

Ведь хотела как лучше... Ну почему так получается в жизни? Целый день одни неприятности.

Сколько раз просила Антона портфель собирать с вечера, нужные вещи не разбрасывать. Прав муж – избаловала она его, никаких обязанностей по дому. Думала, выпускной класс, пусть учится. Вот поступит в институт, тогда... А сын вырос, взрослый уже. Излишняя забота ему вредна. Да и вообще, с бумагой – это не трагедия. Если, как говорит муж, у компьютера есть «память», все можно напечатать еще раз. Хуже, если бумаги такой больше дома нет и попросить не у кого... Но это хоть и проблема, зато точно не ее. Она отвечает за еду, одежду, уборку, стирку. Ей и своих хлопот вполне достаточно. А еще работа, конец года, измерения не закончены, отчет не дописан, текст не допечатан! Кошмар!

Юля заставила себя немного успокоиться. Тяжело! Мамы уже четверть века нет, папы тоже, не с кем душу отвести. С отцом можно было бы посоветоваться, как вести себя со взрослым сыном. А может, и он бы ничего не посоветовал. Отец сам, как и ее муж, в четыре года остался сиротой, и выросли оба «без мужской руки», а дисциплина мальчика – это все-таки мужское дело. Как странно все повторяется в жизни... Вот и у Юли тоже ни братьев, ни сестер. Были бы у нее сестры или братья, наверное, и сама она выросла бы другим человеком. Лучше ли, хуже – но другим. Не сбылась мамина мечта родить светленького, сероглазого мальчишку, похожего на ее погибшего брата. И все война... Революции и войны калечат жизни людей даже через поколения – отнимают будущее у молодых, не дают возможности появиться новым росткам.

Мама никак не могла забыть войну, ненавидела ее и боялась. Во время любого застолья она произносила один и тот же тост: «Чтобы не было войны. Лишь бы не было...» Так думали все, кто пережил те страшные годы. Но в Юлиных детских воспоминаниях о войне ничего особо страшного, пожалуй, и не было. Наверное, ей было страшно, когда начинала выть сирена на улице и, перекрывая ее, глубокий голос диктора громко и властно повторял одно и то же: «Граждане, воздушная тревога! Воздушная тревога! Пройдите в убежище!» Тогда все люди куда-то прятались, улица мгновенно пустела, а бабушка изо всех сил тянула Юлю за руку прятаться в глубокий подвал прямо под ее комнатой в старом доме на Большой Грузинской. Обхватив руками ножку стола, Юля всегда упиралась – там же темно и страшно, там живут только мыши и пауки. Она ни за что не хотела спускаться туда без своих любимых Зайки и Мишки. Подвала Юля боялась больше, чем сирены и этого строгого голоса. Что такое война, она не понимала.

Смутно помнится ей вагон, в котором они с мамой ехали в эвакуацию, ослепительно яркий свет, вспыхнувший за окном при полном отсутствии звука, как в немом кино. Фугасная бомба попала в соседний с ними вагон, и он загорелся. Мама прижимает ее к себе, придавив снаружи подушкой, и бормочет непонятные слова: «Только вместе, только вместе». Это было страшно, но потом почти забылось.

Так, будто это было вчера, Юля помнит, как они с мамой ходили по тайге в соседнюю деревню. Кругом высоченные, в ее рост, сугробы и темные елки до самого неба. Порывами налетает сильный ветер, рвет в клочья тучи, раскачивает вершины, путается в стволах, завывает в глубине, с ветвей сыплется снег. Снежные комья оставляют глубокие дыры в сугробах, обнажая зеленые лапы хвои. Щиплет, обжигает лицо сорокаградусный мороз, деревенеют щеки. Время от времени мама останавливается, растирает ей открытый лоб и щеки легким рассыпчатым снегом, а потом нежно протирает все лицо своим носовым платком. Юля устала идти, а лес никак не кончается, хотя мама говорит, что до деревни уже недалеко. Она боится волков, медведей, темного леса, а мама успокаивает: «Леса бояться не надо. Бояться можно только плохих людей». Плохих людей? Какие они? Юля не знает плохих, вокруг нее только хорошие: мама, бабушка, соседка тетя Муза, которая подарила ей двухцветный карандаш, мамин брат, совсем мальчишка – с утра работает, потом ходит в вечернюю школу. Юля уже давно спит, когда он приходит. Зато по воскресеньям он берет ее с собой на рыбалку.

Через много лет Юля нашла крошечную фотографию с надписью на обратной стороне: «Красная Горка. Минус 42 градуса». Да, это они с папой! Шутка ли, минус сорок два градуса! Самой не верится. Сейчас и при пятнадцати в пуховой куртке она мерзнет, нос краснеет, ветер стягивает щеки, пальцы на ногах немеют.

А какой прекрасной была первая в ее жизни новогодняя елка! Дед Мороз принес ей ночью настоящую, большущую елку, пушистую, с густыми темными иголками. Сквозь мохнатые ветви светились неизвестно где добытые разноцветные круглые лампочки величиной с крупную вишню. От ветерка из форточки раскачивались на ветках легкие самодельные бумажные игрушки. А под елкой лежал кулечек с одним зеленым яблоком и любимыми леденцами.

Юля вздохнула. Память вновь сделала прыжок. Конец сорок второго или начало сорок третьего? Как только снова «открыли Москву», они с мамой вдвоем вернулись домой, в пустую промерзшую квартиру на Полянке – бумажные кресты на окнах, черные занавески, коптящие керосинки на кухне. Юля помнит, как они с мамой возили поленья для бабушкиной печки на чудом уцелевших деревянных детских санках со спинкой. Еще помнит рыбий жир из аптеки, жидкие детсадовские супы «из топора» с редкими волоконцами американской ленд-лизовской тушенки, ненавистную тушеную морковь коричневого цвета, съедобные грибы-шампиньоны, чудом прораставшие через утоптанную землю замоскворецкого двора.

В памяти сохранились и другие, светлые моменты – первый салют, который она смотрела из окна дома на Патриарших прудах, где жила мамина подруга Дуся. Где-то за домами стреляли, страшно грохотало, дрожали стекла, от страха Юля зажимала ладошками уши, но было очень красиво. А каким вкусным казалось полупрозрачное молочное мороженое в маленьких круглых вафельках, и каким богатством – единственный двухцветный карандаш-долгожитель, толстый, заостренный с обоих концов. А еще – девчачьи «секретки», придуманные просто так, «для красоты». Это было убогое, но очень трогательное воплощение детской тяги к красоте, так необходимой в мрачной атмосфере послевоенных проходных дворов.

В небольших ямках, выкопанных под окнами первого этажа, где меньше ходили люди, девочки выкладывали секретные картины из своих «сокровищ». Они создавали чудесные композиции из фрагментов старинных чашек с необычным рисунком, осколков зеленого бутылочного стекла, цветных фантиков и фольги от редко достававшихся конфет, мелких диких цветов, ярких журнальных обрывков и пестрых лоскутков ткани. Девочки закрывали их кусками оконного стекла – битое стекло валялось тогда повсюду, и засыпали просеянной руками землей. Потом они сравнивали свои «секретки» и выбирали самый красивый.

Юля улыбнулась – от таких воспоминаний становилось тепло на душе и немного грустно.

Или было все это совсем по-другому? Разве она не боялась входить в их темный подъезд, где не было ни одной лампочки на все пять этажей? А жуткие проходные дворы-колодцы, где могли ограбить и даже убить за продуктовые карточки? Но это было «про взрослых». Наверное, чтобы сохранить себя, дети невольно стараются удержать в памяти только лучшее.

Мама же содрогалась при одном только слове «война». Понимание ее страха пришло много позже и не сразу. Однажды, возвращаясь с мамой из магазина, Юля вдруг увидела на улице «полчеловека». На деревянной подставке, похожей на сиденье табуретки с колесиками, то ли сидело, то ли стояло туловище человека в старенькой телогрейке с деревяшками в посиневших руках, которыми он отталкивался от асфальта. Юля невольно попятилась назад, пытаясь спрятаться за мамину спину. Но мама крепко взяла ее за руку, подошла к калеке, о чем-то спросила. Юля не поняла, что он ответил, но мама вздохнула и молча отдала ему только что купленную бутылку молока и хлеб. Человек торопливо засунул бутылку в карман, хлеб положил за пазуху, потом растерянно поднял глаза на маму и перекрестил ее. Юля удивленно посмотрела на мать. «Проклятая война, – прошептала мама. В ее глазах стояли слезы. – Война – это очень страшно. Она калечит, уродует, убивает. Всех без разбора. Будь она трижды проклята!» Мама так никогда и не смогла забыть войну. Да и как оправдать, простить ту нечелове-

ческую жестокость, с которой обезумевшие от ненависти люди убивали друг друга? Неважно, какие шинели или головные уборы были у воюющих – фуражки, папахи, пилотки или каски. Если это не остановится, объятая ненавистью человечество когда-нибудь само себя уничтожит.

Если Юле вдруг казалось, что вот-вот начнется война, бежала к отцу. Папа всегда, как в детстве, так и потом, мог успокоить: «Когда громко кричат “война-война”, можно не волноваться. Войны не будет. Все войны начинаются тихо, вроде бы все нормально, а если что-то и происходит где-нибудь далеко, кажется, что это не про нас».

Где-то за окном резко взвизгнули тормоза. Юля очнулась от своих воспоминаний и посмотрела на часы. Муж, кажется, уже лег спать и читает, как обычно, в постели. Свет из-под двери комнаты Антона означал, что он все еще сидит за компьютером. Тогда Юля заварила чаю и села в любимый закуток на кухне, чтобы просмотреть утреннюю газету. Опять тревожно на Кавказе, снова столкновения, кровь, конца не видно. Нагорный Карабах – говорят, «местный конфликт». Да какой же он «местный», если войска хотят ввести? Или уже ввели? Когда же напишут правду? Вот уж где действительно плохо.

Она знает, что ситуация в Нагорном Карабахе очень беспокоила и отца, он еще несколько лет назад говорил, что это серьезно. Но спроси Юля сейчас почти любого знакомого, что же теперь там будет, только посмотрят с удивлением: «Почему тебя это волнует? Кто там у тебя? Родные? Близкие? Нет? Тебе что, своих проблем не хватает? Ну и не дергайся». «Но ведь так начинаются большие войны!» – думала она папиными словами.

После Чернобыльской катастрофы прошло не так уж много времени, и люди еще не оправились от ее последствий. Поэтому невнятная и краткая информация проходила в основном мимо ушей граждан и никого особо не тревожила. Большинство москвичей, занятых своими проблемами, оставались безразличными к тому, что происходило на Кавказе, далеко от их собственного дома, и чаще всего просто раздраженно качали головами: «Опять дерутся. И что им не живется? Горячие головы...» На многое люди по-прежнему смотрели через призму Чернобыля – справиться бы с главной бедой!

Только когда, спасаясь от погромов, ломая судьбы и расплескивая семьи, потекли с Кавказа в разные стороны потоки беженцев – десятки, тысячи, сотни тысяч – в поисках пристанища у родственников, друзей или даже за границей, скрывать стало уже невозможно. Люди занервничали. Это стало походить на настоящую войну.

Юля вспомнила свою последнюю командировку в Ереван. Удивительный вид ночного города из окна гостиницы, прозванной «Кукурузой»: алмазная россыпь уличных огней в дымке опустившегося в долину тумана и где-то на горизонте – темный силуэт горы Арарат. Гуляя по городу, она не встретила ни одного пьяного. Но по-настоящему ее потрясло то, что в Армении нет детских домов! Случись беда, сироту немедленно забирают к себе родственники или друзья. Благородные люди, достойный народ! Хотя пока там и спокойно, но им сейчас тоже очень трудно.

А у нее... Какие же все это мелочи – испорченная домашняя работа, недописанный отчет! Даже кошелек... Скорей бы уж закончился этот чертов високосный год! Только бы не война...

Уснуть Юля долго не могла. Сдерживая слезы, она рассказала мужу про кошелек, и он ее успокоил: «Ну, неприятно, конечно, но не беда. Еще заработаем, а пока выкрутимся как-нибудь». Ни слова упрека – золотой человек! На сердце у Юли стало легче, но уснуть все равно не получалось. Что-то неприятно постукивало в висках – Ка-ра-бах, ах-ах... Ко-ше-лек, лек-ек... Вот прицепилось! Не надо было на ночь читать газеты! Или вообще не читать? Мучило какое-то странное беспокойство, что украденным кошельком этот год не закончится... Не дай бог, защиту отчета передвинут на неделю, а в машбюро уже две машинистки больны. Кто будет допечатывать? Ка-ра-бах, ах-ах... Как детская считалка.

Но на следующее утро, едва она вошла в лабораторию, как позвонила машинистка и предложила допечатать оставшуюся часть отчета на дому, нужно только рукопись подвезти. Юля

с облегчением вздохнула. Домой она шла налегке, стараясь думать о своих личных планах. Имеет право – отчет в печати, в магазин бежать не надо, ужин в холодильнике, только разогреть. Значит, можно будет спокойно почитать или довязать мужу свитер.

Глава 2

Землетрясение

Пужинав, мужчины пошли в комнату Антона разбираться с неполадками в старом компьютере, а Юля включила телевизор, чтобы послушать новости, вытащила свое вязанье, забралась с ногами на диван и стала считать петли: раз, два, три, четыре... десять. «...силой десять баллов по шкале Рихтера, – эхом отозвался голос диктора. – Имеются жертвы». Ей показалось, что она ослышалась. Она вскочила с дивана и с криком «Землетрясение, землетрясение!» помчалась к мужу сообщить страшную новость.

Землетрясение в Армении, длившееся около получаса, стерло с лица земли город Спитак, разрушило десятки городов и сотни сел. Сейсмическая волна докатилась и до Тбилиси. Погибло более двадцати тысяч человек, сотни тысяч раненых и искалеченных. По масштабу разрушений землетрясение было сравнимо с взрывом десяти атомных бомб Хиросимы. Это была огромная, настоящая трагедия. Катастрофа. Словно сама Природа взбунтовалась против бесконечных кровавых распрей обезумевших людей, желая стряхнуть их со своего тела. Но почему именно там?

В воздухе почти немедленно поползли странные, нехорошие слухи о двух или трех взрывах, которые были слышны примерно в том же районе за несколько дней до большого землетрясения. Затем – о срочной эвакуации каких-то поселков, наконец, о подземном испытании новой, «геофизической» бомбы с непредвиденной силой взрыва, сдвинувшего пласты земли. Кто-то простосердечно верил этим слухам и пугался. Кто-то «додумывал» и тяжело вздыхал: Юля была из их числа. Те, кто знали всю правду, – молчали, как и про Чернобыль.

Чудовищный размах бедствия потряс страну. Люди словно очнулись от спячки, и сострадание почувствовали все, в ком билось человеческое сердце. Для лишившихся крова людей зима в горах была особенно холодной и опасной. Присланных армейских палаток и одеял не хватало. В Москве безо всяких указаний «сверху» и лишних слов люди начали собирать теплые зимние вещи и деньги, чтобы помочь пострадавшим. На телевидении осмелевшие с началом перестройки молодые журналисты впервые в советской истории устроили телемарафон – сбор средств для пострадавших. Телевизоры были включены почти в каждом доме, в каждом профкоме и партбюро. В телестудии Останкино металась перед камерами красные от возбуждения ведущие, объявляя суммы пожертвований. В Юлином институте замерла на время отчетная лихорадка, уступив место благородному порыву. В лабораториях сотрудники лихо радочно вытряхивали в картонную коробку содержимое своих кошельков и карманов. Уже через час, невзирая на непогоду, со всех концов Москвы, прижимая к себе портфели, сумки, дипломаты и даже полиэтиленовые пакеты с деньгами, помчались на ближайшую почту первые посылные. Люди всех возрастов и профессий, шлепая по декабрьской грязи в элегантных сапожках, в спортивных кроссовках и тяжелых ботинках, бежали от всех городских остановок метро, автобусов, приезжали на такси, чтобы немедленно отправить перевод прямо в студию. К окошкам «Прием денежных переводов» везде образовались огромные очереди. Юлина очередь подошла ближе к трем часам. Получив квитанцию, она с гордостью помчалась обратно на работу. Ее ждали: «Ну, что там? Много народу?» Ощущение сопричастности к чему-то жизненно важному было необычайным. Каждому хотелось протянуть руку помощи, чтобы кто-то из пострадавших мог ухватиться именно за его руку. Не каждому? Не всем? Кто знает? Только с годами все чаще стало закрадываться в Юлину душу тоскливое сомнение: а может, все это было хорошо организованным «всплеском народного энтузиазма», как бывало уже не раз? Но тогда большинство людей об этом не думало. Видно, проснулось на мгновение основательно

забытое после войны чувство общего горя, искреннее, от чистого сердца. Ах, как хотелось тогда верить, что теперь так будет всегда!

Все вокруг жило в ненормальном, ускоренном темпе. Это было какое-то чудо: на фоне однообразных серых будней настоящая огромная трагедия в одно мгновение вдруг отодвинула на задний план все мелкое и несущественное, пробудив в людях глубокое сострадание к чужой беде. Этот порыв на какой-то момент объединил всех и согрел зачерствевшие сердца. Впервые за всю свою жизнь Юля почувствовала себя частью того, что Ахматова назвала «мой народ». Вокруг были свои, близкие, родные ей люди, она сама была там, где был *ее народ*. Прекрасное чувство общности в добре было ново и дорого ее сердцу.

Наконец, високосный год подошел к концу, в институте все начали потихоньку задумываться о предстоящих праздниках и детских каникулах. Жизнь входила в обычный и даже несколько расслабленный ритм. Потрясение от случившегося на Кавказе тоже улеглось. Правда, спустя месяц-другой кто-то из Юлиных сотрудников вяло, просто ради любопытства поинтересовался, отправлены ли в Армению собранные теплые вещи, и тут же обнаружил, что знакомые коробки все еще валяются в подвале местного райкома партии за «неимением транспорта». Услышав такую новость, люди недовольно заворчали: «Мы от всей души... А эти?! Плюют на нас, дурачат, как обычно. Отчитались за кампанию и хватит». Почти одновременно по Москве поползли другие слухи, что «наше старое тряпье им (пострадавшим) не нужно, они получают прекрасные дубленки из Франции. Вот пойдите на рынок и посмотрите, кто ими торгует». Была ли в этих словах правда, выплеснувшаяся наружу непонятная обида или просто чья-то грязная зависть, сказать трудно, но ощущение было омерзительным. Газеты, как всегда, наполнились лозунгами, а воздух – слухами. Оставалось только вздохнуть или горько усмехнуться.

Но любой энтузиазм, искренний или подогретый, – всегда лишь эмоциональный порыв, который длится недолго и не может заменить тяжелой работы профессионалов.

Как только спасатели и военные расчистили подъезды к Спитаку, разобрали завалы, отправили в госпитали раненых и занялись опознанием жертв, в зону землетрясения были направлены эксперты, лучшие специалисты институтов, министерств и ведомств. Инструктаж был коротким: ситуация в регионе чрезвычайная, все гражданские специалисты подчиняются единому военному начальству.

Юлин муж Абрам, математик и физик по образованию, волею судеб ставший специалистом в области прочности бетона и железобетонных конструкций, был командирован в зону разрушения одним из первых. Ему предстояло «неразрушающим методом» определить причины столь катастрофического разрушения одного из самых прочных строительных материалов. В сочетании названия метода и сути предстоящей работы крылась какая-то злая ирония.

Масштаб катастрофы можно было оценить с первого взгляда. Это был разбомбленный Дрезден, руины Варшавы и «Герника» Пикассо. Кругом острые глыбы серого бетона и нежно-розового, как кожа младенца, туфа. Скрученные металлические прутья арматуры. Сложившиеся, как домино, стены бывших типовых домов. Горы песка, щебня, битого кирпича и осколков стекла. Деревья, вырванные с корнем и сломанные пополам, как спички. Некогда такая прекрасная, а теперь изуродованная и безжизненная земля.

Первое, что бросилось Абраму в глаза, – это поврежденные, но уцелевшие стены одних домов и глыбы бетона, горы песка и стекла на месте других. Одинаковые здания, типовые проекты. Почему устояли одни и рухнули другие?

Все светлое время дня Абрам, словно золотоискатель, карабкался по руинам, подбирая на развалинах подходящие куски бетона, пригодные для его измерений. Для начала необходимо было определить «бывшую» прочность и марку бетона разрушенных конструкций. Отдельные фрагменты были вовсе не «бетонного» цвета, и тогда по излому он пытался визуально определить состав исходной смеси или присутствие необычных примесей. Все свои наблюде-

ния детально фиксировал в дневнике. А вечерами в импровизированной «гостинице» считал, заполнял таблицы, строил графики, анализировал, сопоставляя с дневниковыми записями. Он искал общее в мелочах и специфику в целом.

Иногда Абраму казалось, что с прибором что-то неладно... Он снова повторял измерения, чтобы убедиться – прибор в порядке, ошибка исключена. Бетон местами был почти без цемента, один песок. При взгляде на уцелевшие, стоявшие особняком стены добротных частных домов ни у кого не оставалось сомнений, куда делся положенный цемент. Разве могли устоять дома с неприваренной арматурой лестничных пролетов? Где вы теперь, халтурщики-строители, сознательно или по лени ставшие преступниками? А вы где, бездумные автолюбители, вырезавшие целые секции литого фундамента ради личного гаража? И вы, чеховские «злумышленники», разбиравшие в квартирах несущие стены ради пары лишних квадратных метров? Что же вы натворили, несчастные? Но немой крик повисал в холодном безлюдном пространстве маленьким облачком пара изо рта. Спрашивать было уже некого.

Связь с Москвой была плохая, мобильники в стране еще не появились. Бесперебойно работала только радиотелефонная связь, у военных. Но для остальных, штатских – почти полная оторванность от мира. Когда однажды в квартире неожиданно раздался телефонный звонок, Юля как сумасшедшая схватила трубку и услышала: «Не волнуйся. У меня всего одна минута. Жив, здоров. Все в порядке». Порядок? Его трудно было представить даже при самом искреннем желании, хотя именно тогда, в режиме чрезвычайного положения, там наверняка был порядок. «Живу в гостинице. *(Какая там «гостиница» в этом стертом с лица земли городе?)* Питаюсь нормально. *(Не ем, а питаюсь!)* Больше говорить не могу. Целую».

Через два с половиной месяца тяжелой, напряженной работы гражданских экспертов стали отпускать по домам. В последнюю ночь перед самым отъездом Абрам еще раз прошелся по бывшему городу. Людей нигде не было. Город был мертв. Только выли голодные, теперь уже навсегда бездомные собаки.

Неожиданное возвращение мужа было похоже на репинскую картину «Не ждали». Когда поздно вечером раздался осторожный звонок в дверь, Юля, не дожидаясь ответа на вопрос «Кто там?», почему-то откинула цепочку и сразу повернула замок. На пороге стоял виновато улыбающийся, давно не бритый человек с покрасневшими от пыли и недосыпания глазами. За его плечами провис набитый грязным бельем рюкзак, в авоське тяжело покачивалась огромная, килограммов на пять, запечатанная жестяная банка сгущенного молока из командировочного пайка.

– Никого не разбудил? – тихо, почти шепотом спросил он. – Мог прилететь завтра утром, но не выдержал. Я так спешил к вам...

Юля крепко прижалась к этому колючему, насквозь пропыленному человеку, вдыхая его родной запах, смешанный с запахами незнакомого табака, длинной дороги и безмерной усталости.

Наконец после многих дней изнурительной работы Абрам блаженно «отмокал» в ванне с пышным облаком перламутровой мыльной пены, тщательно отскребал щетину и дорожную грязь. Потом камнем рухнул в постель с чистым, отглаженным бельем и мгновенно уснул. Он спал почти двенадцать часов подряд, а утром было стремительное пробуждение и марш-бросок в институт – писать отчет. Чтобы описать красоту гор и ужас разрушений, нужен был художник или поэт. Научный отчет требовал протокола, сухих цифр, результатов измерений, расчетов и трезвого анализа фактов с четко обоснованными выводами. Никаких эмоций.

Через несколько дней отчет был закончен: измерения тщательно обчислены и многократно проверены, результаты сведены в таблицы и графики, все распечатано в нескольких экземплярах и отправлено в министерство. Десятого февраля Абрам поставил свою последнюю подпись в каком-то военном ведомстве и вздохнул с облегчением. Наконец-то можно попросить у начальства парочку дней отгула, хорошенько выспаться и отдохнуть.

По пути домой ему предстояло пересесть на троллейбус у Зоопарка. После теплого светлого вестибюля метро на улице было особенно мерзко – жуткий ветер, пробирающая до костей февральская сырость, под ногами адская каша подтаявшего и вновь смерзшегося снега, перемешанного с песком, солью, плевками и окурками. В такую погоду, как говорится, хороший хозяин собаку не выгонит. Уходящая зима брала реванш. Сильные порывы ветра гнали по небу тяжелые, набухшие от мокрого снега тучи, разрывая их в клочья и позволяя на мгновение одинокому солнечному лучу высветлить их края. Словно поддразнивая, приоткрывалась тогда ярко-голубая лужица неба, и мгновенно все снова затягивалось беспросветной мрачной тоской. Ледяной северный ветер, не ослабевая, насылал на город очередную колючую метель. Пешеходы с опаской семенили по тротуарам, неуверенно балансировали на обледенелых булыжных мостовых, порой взмахивая руками-крыльями в стремлении удержаться на ногах, чертыхаясь, поминая дворника, его мать и непогоду, еще долго что-то сердито бурча себе под нос.

Подняв воротник, Абрам выскочил из метро и увидел на конечной остановке свой троллейбус. Выбрав удобный момент, стараясь не угодить в прихваченные льдом лужи, он решительно перебежал по скользкой брусчатке на другую сторону улицы, к табачному киоску, где обычно покупал сигареты «Шипка». Получив сдачу, быстро сунул в карман пальто пачку и монеты и уже собрался рвануть к остановке. И тут они встретились глазами – человек и мокрый, дрожащий от холода несчастный пес, бессильно привалившийся к облупленной обледенелой стене старого дома, на углу которого стоял киоск.

Глава 3

Машина времени

На шее у пса болтался потертый кожаный ремешок, сделанный из остатка брючного ремня, но поводка не было. Нос собаки был разбит, между лап на грязном снегу виднелись размытые следы крови. Абрам машинально потянулся к замку своего «дипломата», но у него с собой не было ничего, что можно дать собаке, – свой бутерброд он доел еще по пути из министерства. В полупустом чемоданчике остались только несколько чистых листов бумаги, толстая тетрадь с недавними расчетами и пара шариковых ручек.

Человек и собака напряженно смотрели друг на друга, пытаясь понять, кто есть кто, и не решаясь сделать первый шаг.

«Ты чей? Ты, что ли, тоже оттуда?» – вдруг подумалось человеку. Но что могла ответить собака? «Разве ты поймешь? Это длинная история». И оба продолжали стоять, молча глядя друг другу в глаза.

*Прошло бесконечно много лет,
По часам – пятнадцать минут¹.*

Решение пришло само. Абрам поднял руку и остановил такси:

– С собакой возьмете?

– Куда? – спросил водитель.

– Ну, к ветеринару какому-нибудь. На Цветной, наверное. Других не знаю.

Таксист мотнул головой. Не порожняком же кататься.

– Ладно. Давай, тащи свою собаку.

– Она не моя. Просто собака. Кажется, покалеченная...

– Ну ты даешь! К ветеринару... Чужую собаку? На такси?

– Пожалуйста, у меня совсем мало времени.

– Ну-ну, только сам за ней вытрешь, – ответил таксист и вздохнул про себя: «Надо же...»

Абрам открыл заднюю дверь машины и сказал: «Ну, пес, залезай, а то я и так с тобой задержался».

И пес все понял. Забраться самому было трудно, но все-таки он сумел. Почему он доверился этому человеку и влез в чужую машину, всю пропахшую бензином, дешевыми папиросами, отвратительными духами и еще тысячей чужих запахов? Как почувствовал, что ему хотят помочь? Чем ему пахло от этого усталого, насквозь прокуренного бородатого человека? Что он сумел прочесть в его глазах за мокрыми стеклами очков? Или своим особым, собачьим чутьем понял, что это его единственный и последний шанс выжить? Выжить – в этом чужом и негостеприимном месте, среди бегущих мимо равнодушных людей, редких любопытствующих бродячих собак и плюющихся мокрой грязью автомобилей. Больше никого вокруг не было, только злой холодный ветер и ледяная земля под ногами. И – этот, другой. ЧЕЛОВЕК!

На Цветной к ветеринару они приехали, когда там как раз начинался обеденный перерыв. Врачи и сестры, на ходу сбрасывая халаты и натягивая свои шубейки и куртки, торопились в ближайшее кафе или домой – перехватить тарелку супу или выпить горячего чая.

Бородатый мужчина с мокрой рыжей собакой у ног сидел на стуле и терпеливо ждал хоть какого-нибудь просвета в очереди – ведь у него не было даже талона на прием. Неожиданно последний из пробежавших мимо врачей вдруг обернулся и спросил: «Эй, а что с вашей соба-

---

¹ В. Инбер. «Сеттер Джек».

кой?» – «Не знаю. Она не моя, я ее просто подобрал на улице. По-моему, ей плохо». Ветеринар на секунду присел на корточки и посмотрел собаке в глаза. «Катя! – крикнул он сестре. – Я не иду». И тут же бросил бородатому: «Тащи собаку в смотровую».

Собака была не только мокрая и грязная, но на удивление тяжелая. Почти безжизненное черно-рыжее тело взгромоздили на металлический стол. Он, а это был именно он, то попытался поднять голову, то снова ронял ее на стол. Огромные черные глаза вопросительно и даже с испугом смотрели на людей.

– Ну, потерпи, пес, – тихо проворчал ветеринар. – Тебе уже один раз повезло сегодня, видишь, подобрали, к нам привезли. Может, повезет еще раз – и будешь жить.

Как говорят врачи, анамнез был тревожным. Перелом ребра (похоже, кто-то сильно ударил его ногой снизу – скорее всего, сапогом), трещина или даже перелом задней лапы. Нос ободран, кровоточит. Но самое неприятное – огромная рана с неровными краями на животе и внутренней стороне бедра. Кусок кожи был вырван так, как могут драть только специально натасканные собаки вроде лагерных, насмерть. Видно, натравили на него сильного злобного пса, крупнее и мощнее его. Открытые ворота для инфекции, к тому же большая кровопотеря. С такими ранами и без серьезного ухода собака вряд ли выживет.

– У вас когда-нибудь собаки в доме были? – спросил ветеринар.

– Нет. Никогда.

– И что делать будете?

– Еще не знаю... Повезу домой. Там видно будет.

Ветеринар покачал головой и начал быстро промывать и зашивать рану. Закончив свою работу, он вытащил из шкафа серую, уже ветхую от бесконечных стирок, но чистую простыню и протянул Абраму.

– Возвращать не надо. Заверните собаку, рана еще кровоточит. А может, все-таки оставите ее у нас? Нет? Ну, удачи вам.

Абрам хотел заплатить за визит, но врач от денег категорически отказался. И был это второй Человек на пути несчастной собаки. Человеки! Лю-ди! Все-таки есть еще Люди!

С собакой на руках, словно неловкий отец первенца, Абрам вышел на Цветной бульвар и остановился у самой кромки тротуара. Фонтаны грязного мокрого снега взлетали из-под колес проезжавших троллейбусов. Мгновенно намокли брюки и укрывавшая собаку простыня, и ее свободно болтавшиеся углы с каждым порывом ветра тяжело шлепали по ногам. Поднять руку, чтобы поймать такси, было абсолютно невозможно. Но Абрам почему-то был уверен, что его, стоящего у края мостовой, кто-нибудь обязательно заметит и подберет.

Словно вняв его немой мольбе, перед ним вдруг остановилась машина с зеленым глазком, и таксист приоткрыл дверь: «Эй! Садись, друг!» Ему сегодня явно везло – третий! Он осторожно положил собаку на заднее сидение, поправил под ней простыню, сел рядом и с улыбкой поблагодарил водителя. Потом назвал адрес, и машина тронулась. Скорее бы домой! Но уже через квартал движение застопорилось, машина начала непрерывно притормаживать, замирая на месте каждые сто метров. «Чертова погода!» – проворчал водитель.

В машине собака лежала тихо, не скулила, лишь изредка с трудом приподнимала голову, лежавшую на коленях незнакомого человека, почти невидящим взглядом упиралась в его лицо, будто пытаясь понять, где она и кто этот человек. Но от резкой боли в боку сознание ее начинало быстро мутиться, глаза закрывались, и голова снова бессильно опускалась на чужие колени.

Чувствуя беспокойство пса, Абрам перебирал пальцами шелковую шерсть, нежно, словно плачущего ребенка, гладил его по голове, легонько трепал мягкое теплое ухо и шептал ласковые слова: «Хорошая ты собака, потерпи немного. Дома мне расскажешь, что с тобой приключилось. Ну, не словами, а как сумеешь. Мы тебя не обидим, не бойся, не бросим, не выгоним. Выходим как-нибудь, а там посмотрим... Может, найдется твой хозяин. А нет – останешься

у нас, будешь нашей, назовем тебя Подкидыш. Нет, не годится. Слишком длинно... Ладно, потом придумаем».

Рука человека была легка и тепла, ласковое прикосновение не причиняло боли, и полусонная собака, вслушиваясь в бормотание человека в надежде уловить в его словах хотя бы свое имя, все с большим трудом удерживала и без того неясное сознание, пока наконец совсем не затихла. Заснула.

Абрам тоже замер, речь остановилась на полуслове. Он прислушался к дыханию спящей собаки: «Дышит. Слава Богу!»

Внезапно у него в голове шевельнулась странная мысль: а ведь и он сам – «подкидыш»! Почему, собственно, его усыновили тогда эти люди? Хоть и бездетные, они были уже пожилыми и к тому же нищими как церковные крысы. А в какой жалкой, убогой, разваливающейся халупе с «удобствами» на улице они жили! Комната в бараке с множеством дверей. Даже не комната, а узкий пенал с единственным окном в торце, у самой входной двери, с «кнопочным» цинковым умывальником над старым помятым тазом на табуретке и двумя керосинками на дощатом кухонном столе. Каким образом он оказался у них дома? Какой это был год? Сорок четвертый или сорок пятый? Неужели ему было всего четыре года? Или уже пять? Вроде бы вспомнил! Вспомнил, или это ему только кажется? Абрам закрыл глаза.

Когда ему сказали, что скоро он поедет на поезде в гости к тете Розе и дяде Яше и увидит большой город, он даже обрадовался – ехать в настоящем поезде! Они с мамой никогда не ездили на поезде. Потом ему сообщили, что он поедет не один, а с тетей Лизой и что мама пока останется дома и будет его ждать. Может, ему и было немного страшно ехать без мамы, но ожидание необычного путешествия приятно бередило детское воображение, пока наконец эта радость не сменилась тревогой – он не хотел ехать один. Хотя, конечно, ребенок не мог и представить себе, что его собираются увезти навсегда, никогда не привезут обратно и что маму он больше не увидит.

Пока мама складывала его одежду, он неотрывно смотрел то на ее руки, то на лицо и все время хотел что-то спросить, но не знал, что именно. Мама почему-то молчала и только смотрела на него покрасневшими глазами. Он тоже молчал, не умея выразить словами противоречивые чувства. Еще вчера ему хотелось поехать в поезде, а сейчас вдруг появился какой-то страх перед дорогой и особенно – перед разлукой. Он совсем не хочет уезжать от мамы! Только если немного прокатиться на поезде и сразу домой... Но в тот момент все уже было решено, о его желании никто не спрашивал.

Потом поезд много-много дней вез их из Ташкента в Москву. Дорога была очень длинной, и время тянулось бесконечно. Хотя рядом была тетя, ему было страшно и одиноко в душном, набитом людьми вагоне, пропитанном тяжелым запахом немых тел и папиросного дыма. Он испуганно, но с любопытством разглядывал всех этих чужих людей, которые целыми днями сидели, стояли, лежали, ели, спали или храпели рядом. Пространство под нижними полками, столиками и даже проходы были завалены перевязанными веревками чемоданами, бесформенными мешками и корзинами. Иногда ему хотелось хоть чуть-чуть побегать, попрыгать, но свободного места нигде не было. Там, где не лежали мешки, на грязном полу валялись стоптанные сапоги, калоши, сморщенные от долгой носки грязные ботинки тех, кто спал или просто лежал на верхних полках. Поэтому днем он забивался в уголок их с тетей нижней полки и подолгу смотрел в покрытое жирной паровозной копотью окно.

Вечером на третьи сутки, когда он уже немного привык к вагонному быту, в нем вдруг проснулось странное недетское чувство, что его обманули, увезли от мамы навсегда! Жгучая обида пронзила все его существо, и он неожиданно для самого себя громко навзрыд заплакал, судорожно всхлипывая и теряя дыхание. Тогда чей-то хриплый голос с верхней полки проворчал зло: «Ну, завыл! Не реви, слышишь! Всем спать надо! Уймите ребенка, мамаша! Или в тамбур валите!» От испуга он на мгновение замолчал, но остановиться уже не мог. Тетя Лиза,

которая спала с самого края, оберегая, чтобы не упал с полки, проснулась, прижала его к себе и стала гладить по голове, шепотом уговаривая не плакать так громко. Он попытался объяснить ей, что больше не хочет ехать в этом противном вагоне, а хочет обратно домой, к маме, но слезы полились еще сильнее, рыдания стали еще более отчаянными. Тогда тетя Лиза достала откуда-то и сунула ему в одну руку кусок черствой лепешки, а в другую – несколько черных блестящих изюмин: «На, Аба, поешь немного! И не три глаза грязными руками!»

Слезы все равно не останавливались, худая грудка под тонкой майкой вздрагивала от сдавленных рыданий, и лепешка никак не попадала в рот. Наконец ему удалось откусить кусочек, следом он запихнул в рот большую мятую изюмину и, продолжая тихо всхлипывать, начал медленно жевать. Устав от собственного плача, он постепенно успокоился и уснул, даже во сне продолжая непроизвольно всхлипывать.

С этого момента каждый раз, когда он пытался что-то сказать или спросить тетю Лизу, слезы почему-то сами по себе начинали булькать в горле, и он сразу испуганно замолкал. Только ночью, когда в вагоне гасла последняя тусклая лампочка и все ненадолго, до следующей остановки поезда, засыпали, слезы добирались до глаз и свободно лились на ситцевый мешочек с его вещами, на котором он спал вместо подушки. С той ночи он научился плакать тихо, чтобы никто не слышал.

Абрам смутно помнил, как они шли через толпу по перрону большого шумного вокзала, где так едко и противно пахло от паровоза, что хотелось кашлять совсем как мама, но все равно было легче дышать, чем в вагоне. Тетя Лиза тащила его за руку по грязному перрону, он наткнулся на острые края деревянных чемоданов идущих впереди пассажиров, чужие сумки и коробки. Стоящий на соседних путях паровоз вдруг издал пронзительный свист и выпустил острую струю пара ему в лицо. От неожиданности он прыгнул в сторону и попал под ноги человеку с костылем. Человек что-то крикнул и легонько ткнул его своим костылем в спину. Было не больно, но обидно.

Потом они переходили на какой-то другой перрон, снова садились в вагон и опять ехали, но теперь он сидел на скамейке у окна и смотрел, как быстро-быстро проносятся мимо большие и маленькие дома, машины, тупоносые автобусы, люди, деревья, коровы за забором и столбы с проводами. Это было интересно, но все равно ехать ему больше не хотелось, хотелось только устроиться где-нибудь и поспать. Потом они тряслись в набитом людьми и сумками душном автобусе, где он был зажат между мятыми юбками и потертыми брюками, от запаха которых его почти укачало. Периодически автобус притормаживал, пассажиры в салоне менялись, но свободнее не становилось. В какой-то момент он стал засыпать стоя, но в то же мгновение тетка в синем форменном халате, продававшая билеты на проезд, громко выкрикнула название остановки: «Кто спрашивал улицу Коминтерна? Следующая!» И тетя Лиза, крепко ухватив его за руку, потянула к выходу. Однако когда автобус остановился, Абрам легко спрыгнул на землю и как-то судорожно вздохнул. Воздух вокруг был какой-то легкий, в нем витал знакомый запах теплой глиняной пыли и сухой травы.

Глава 4

Улица Коминтерна

Незнакомая улица ему сразу понравилась – вокруг было много деревьев, зеленой травы и ярких цветов на длинных ножках. Тетя Лиза быстро отыскала нужный дом, потом нужную дверь и нажала кнопку звонка. Дверь открылась, и невысокая пожилая женщина появилась на пороге, вытирая руки холщовым передником. Перед ней стоял маленький худенький мальчик с бледной, почти прозрачной кожей и большими испуганными глазами. Она светло улыбнулась, неловко, с явным усилием присела на корточки и нежно обняла его своими распухшими от стирки руками. Глаза ее почему-то сразу наполнились слезами. Уткнув лицо мальчика в свой пахнущий кухней передник, она крепко прижала его к себе, бормоча: «Абочка! Родной... Сиротка ты моя, киндерлах». Это слово он знал. Это было мамино слово. Но почему эта тетя назвала его так, он не понимал.

Попятившись, тетя в переднике буквально втащила его в комнату, а следом за ними вошла тетя Лиза. За столом на высоком табурете сидел пожилой мужчина в толстых очках и, прищурившись, вдевал в иголку длинную черную нитку. Увидев гостей, он не глядя воткнул иголку в серую подушечку на левой руке, в которой уже торчало много булавок, снял с колен какую-то недошитую вещь и, отодвинув от края стола утюг, встал навстречу гостям.

– Ну вот, – сказала Лиза, – привезла вам племянника. Он послушный мальчик, умный. Будет вам веселее, и ему хорошо. Ну, иди к ним, Абочка, не бойся! – добавила она и подтолкнула в плечо. – Подойди, поздоровайся. Это дядя Яша и тетя Роза.

Незнакомый дядя Яша протянул руки ему навстречу, но мальчик недоверчиво взглянул на него и попятился к двери. Тогда тетя Лиза положила на пол мешочек с его вещами, бережно достала из своей сумки и поставила на кухонный стол пол-литровую баночку сливового варенья, бумажный кулек с изюмом, пакет с сушеными фруктами и оставшиеся лепешки.

– Очень мы устали с дороги. Давайте лучше сначала чаю попьем, а потом будем разговоры разговаривать.

Тетя Роза радостно кивнула и поставила на керосинку чайник. Через несколько минут все четверо – тетя Роза в цветастом переднике, тетя Лиза в кофте с оторванной пуговицей, потерявшей еще в поезде, дядя Яша в выпуклых очках, но уже без подушечки-ежика на руке, и мальчик с большими испуганными глазами, – сидели и пили чай с привезенными гостинцами. Взрослые еще долго о чем-то разговаривали, а он так устал с дороги, что неожиданно для себя вдруг заснул, уронив голову прямо на стол, даже не дожевывая кусочек хлеба, специально для него намазанного тонким слоем маргарина и посыпанного сахарным песком.

Проснулся он на старом диване, около которого стоял стул с его вещами. На улице было совсем темно, тети Лизы в комнате не было. Он проспал сутки, полностью потерял представление о времени. Со сна он никак не мог узнать комнату, в которой заснул накануне, с ужасом подумал, что тетя Лиза его бросила, и очень испугался. Но не заплакал. Осторожно приподняв голову, посмотрел вокруг. Незнакомые стены, незнакомый, весь в трещинах потолок с желтым пятном в углу, тусклая лампочка под оранжевым абажуром со стеклянными бусинками по краю – такого у них с мамой никогда не было. Вчерашняя женщина, которую тетя Лиза называла Розой, стояла у кухонного столика, и на сковородке у нее что-то скворчало. Услышав скрип диванных пружин, тетя Роза обернулась.

– Ну что? Отдохнул немножко? Тогда умой личико и садись за стол, сынок, – ласково сказала она.

Почему она назвала его «сынок»? Наверное, по ошибке. Но он не обиделся. Может, просто не запомнила, как его зовут?

Пока он доедал свой ужин, тетя Роза все время смотрела на него, грустно покачиваясь всем телом вправо-влево и сокрушенно бормоча, какой же он худенький и слабенький. А дядя Яша перебирал его нехитрую одежду, внимательно рассматривал дырки на брючках и тоже изредка качал головой. Потом его долго отмывали от дорожной пыли в стоящем на полу тазу, поливая теплой водой из синей эмалированной кастрюльки с длинной ручкой (у мамы была такая же, только с коричневой ссадиной на месте отбитого куска эмали, совсем как болячка на его коленке), и вытирали большим мохнатым полотенцем. Полотенце было старое, местами протертое, но очень мягкое и быстро-быстро впитывало все капельки воды с тела.

За ужином тети Лизы не было, она уже уехала. Уехала одна, без него! Значит, все-таки обманула?! От обиды на тетю Лизу он горько заплакал. Он еще не знал слова «предательство», но какая-то странная боль заполнила все его существо. Тетя Роза пыталась его успокоить, говорила, что ему будет здесь хорошо, что надо немного подождать, когда мама выздоровеет и обязательно за ним приедет, гладила по головке, целовала в стриженую макушку, называла разными ласковыми, нежными словами. Но он их почти не слышал и продолжал всхлипывать. Укладывая его спать, тетя Роза осторожно предложила называть ее мамой, если он захочет, а дядю Яшу – папой. Но Абочка не понял, почему надо называть чужую тетю мамой, если у него есть своя, настоящая мама, которая скоро приедет и заберет его домой. Ему очень хотелось в это верить, а еще он сильно устал. Выпростав руки из-под одеяла, он потянулся своим худеньким тельцем и повернулся на бок. Первый раз после длинной дороги и неудобной полки общего плацкартного вагона под его щекой была мягкая пуховая подушка. От чистых простыней, сушившихся, вероятно, во дворе (так всегда делала его мама), пахло свежим весенним ветром и какими-то травами. Он непроизвольно несколько раз втянул в себя этот домашний, почти забытый за дорогу запах и мгновенно уснул, уткнувшись носом в кулачок.

Снилось ему, что едет он обратно к маме в том же вагоне, сидя в том же уголке на первой полке, и смотрит в то же закопченное окошко. Но стекло совсем почернело, и сквозь него невозможно что-нибудь рассмотреть. Одно мелькание теней и вспышек света встречного поезда. Но зато он твердо знает, что скоро приедет домой, что поезд вот-вот остановится и он выберется из этого душного вагона. Но поезд почему-то все никак не останавливается, ему скоро выходить, но выходить на ходу не разрешается никому, а поезд все идет и идет... И вот поезд уже проехал станцию, где его ждет мама, и он кричит и кричит этим людям, чтобы выпустили его из противного вагона. Но его никто не слышит... Он бьет кулачками по чьему-то пальто, по спине, по ногам, но никто не чувствует его ударов и не оборачивается. В отчаянии он садится на пол, окруженный опять только ногами, мешками и чемоданами, и горько плачет. Он совсем не понимает, что ему теперь делать и что с ним будет. Он плачет во сне, плачет настоящими слезами и... просыпается.

Кто-то сидит рядом с ним и гладит, гладит его по голове: «Не плачь, киндерлах. Не плачь, маленький. Все будет хорошо». Мальчик силится понять, где же он, кто гладит его по голове, но безуспешно. Слишком много впечатлений за один день.

Постепенно глаза его привыкают к темноте. Это тетя Роза в ситцевом халате, и халат совсем как мамин! Он осторожно нащупывает в темноте ее руку, тянет к себе, подкладывает под щеку, чтобы она вдруг не исчезла, пока он будет спать. Во сне он еще долго всхлипывает, но в конце концов переворачивается на другой бок и, зная, что теперь-то он маму не отпустит, засыпает крепким детским сном.

Было уже совсем светло, когда он окончательно проснулся и открыл глаза, уверенный, что мама где-то рядом. Но рядом никого не было. Лежал он на незнакомом диване с потертой, давно выгоревшей обивкой на спинке, по которой бродили солнечные зайчики. Не сразу смог он вспомнить, где он и почему здесь оказался. Тогда он очень осторожно повернулся, натянул на голову одеяло и, сделав узкую щелку, стал разглядывать, что там, снаружи. Яркий свет из окна ударил в широко открытые глаза, и он зажмурился. Чуть-чуть выждав, чтобы глаза при-

выкли к свету, он снова стал изучать новое место. Комната была все та же, вчерашняя, уже немного знакомая. В ореоле солнечных лучей у кухонного столика стояла тетя Роза и быстро-быстро стучала ножом по деревянной доске. Ему захотелось позвать маму, но он вспомнил, что находится в чужом городе, а поезд и мама ему просто снились. Мама осталась там, далеко, и пусть нескоро, но обязательно за ним приедет. Тетя Лиза обещала. Поправится и приедет. Ну что ж... Значит, он должен ждать.

Тетя Роза была с ним очень ласкова. Каждое утро она варила ему сладкую манную кашу, а он все ел и не мог насытиться. Вечером она рассказывала ему какие-то сказки, но он на них никак не реагировал, будто не слышал или думал о чем-то своем. Сам тоже ни к кому не приставал, ни о чем не спрашивал и на вопросы отвечал неохотно.

Желая отвлечь его от каких-то недетских мыслей, тетя Роза брала его с собой в магазин или на рынок, где продавали зелень или молодую картошку с местных огородов. Иногда гуляла с ним по улицам, катала на автобусе, и он жадно впитывал этот знакомый запах дороги. Вечерами тетя Роза рассказывала какие-то диковинные сказки, и в некоторых из них у детей тоже не было мам. Он внимательно слушал и все ждал момента, когда же она заговорит с ним о его маме – ведь у него-то мама была! Пусть далеко, но была! Но тетя Роза почему-то о его маме никогда не вспоминала, будто сама забыла о ней или ее просто не было. И Абочка очень обиделся на нее.

Днем, когда все были заняты, он забирался на стул и смотрел в окно, как играют ребята, поглядывая в дальний конец тропинки, что вела к автобусной остановке – не покажется ли там мама или хотя бы тетя Лиза. На каждый звонок или стук в дверь подбегал с тайной надеждой, что это за ним. Он уж научился считать до ста по клеенчатому «сантиметру» дяди Яши, а потом и до ста пятидесяти, но больше чисел там не было. Оказалось, что после огромного числа «сто» есть еще большие! Он попросил дядю Яшу научить его считать дальше. Оказалось, что числа никогда не кончаются! И это было какое-то чудо...

Иногда по вечерам он выходил с дядей Яшей на крыльцо, чтобы посчитать просто так – людей, кошек, ребят во дворе, лепестки на ромашках, камешки. Окно комнаты, как и крыльцо, было обращено на запад и в летний вечер становилось золотым от лучей заходящего солнца. С того времени цифры и их волшебство оказались связаны в его детской памяти с этим солнечным светом.

Шли дни – сто, еще раз сто, но никто за ним не приходил и не приезжал. Он мог бы считать и дальше, но все равно ничего в его жизни не менялось. Порой ему казалось, что все о нем просто забыли, и все-таки он продолжал надеяться, что мама его помнит: сама, наверное, плачет, но приехать почему-то не может. Время от времени ему вдруг приходила в голову вполне разумная мысль, что если сесть самому в правильный вагон правильного поезда, тот обязательно привезет его домой. Но он вдруг вспоминал, как страшно было на вокзале, где его окружали только бегущие ноги, мешки, перевязанные веревками чемоданы, мятые металлические чайники с болтающимися крышками, где можно так легко потеряться! Надежной была только рука тети Лизы, которая крепко держала его чуть выше сжатого кулачка и упрямо тащила сквозь толпу. И он с грустью понял, что одному, без тети Лизы, ему домой не добраться. Значит, надо ждать. Терпеливо ждать. Постепенно он начал привыкать к своему одиночеству, но чтобы не потерять надежду, стал придумывать свои собственные оправдания взрослым. А может быть, это тетя Роза ему подсказала... Тетя Лиза не приходит, потому что занята на работе. Мама не приезжает, потому что маленький братик, появившийся незадолго до его отъезда, болеет и сама она кашляет. Ведь он не может сейчас им помочь, а только когда подрастет, станет сильным и крепким. Ну что ж, значит, надо ждать и стараться вырасти поскорее.

Прошло еще полгода, а мама все не приезжала. В то, что останется здесь *навсегда*, он не верил, потому что не хотел в это верить или просто в его сознании еще не было такого

страшного слова. Он по-прежнему тосковал, скучал по маме, только вслух об этом больше никому не говорил.

Не сразу получилось у него называть тетю Розу мамой, долгое время он никак ее не называл, хотя привязался к ней быстро. Он чувствовал, что она его жалеет, всегда подкладывает ему в тарелку лишний кусочек масла, потому что «масла ей нельзя, и вообще она масла не любит». Еще она пекла для него вкусные оладушки, а в чай всегда насыпала вторую ложечку сахарного песка. Ему было тепло и хорошо рядом с ней.

Постепенно он стал забывать мамино лицо, руки и даже запах. Он реже стал подбегать к двери на чужой звонок или стук и почти привык к тому, что добрая тетя Роза – его новая мама, даже добрее его родной мамы, ведь она заботится только о нем, а у его мамы есть и другой сыночек. Так в нем впервые пробудился слабый росток детской ревности. Наяву он стал называть тетю Розу мамой, мамой Розой, но во сне все еще звал ту, родную. А дядю Яшу сравнивать было не с кем – другого папы у него все равно не было.

К новому месту привыкнуть оказалось гораздо проще. Хотя многое здесь оказалось не похоже на его прежний дом, но одно было общим – легко узнаваемая печать послевоенной изможденности на лицах людей и почти нищенская убогость обстановки. Стол, шкаф, кровать, пара табуреток. А тут были еще стулья с выгнутыми спинками и старинный диван с продавленным сиденьем.

Когда дома он вполне освоился, его стали ненадолго выпускать во двор одного, посидеть на крылечке, посмотреть, как играют соседские мальчики, а может, и поиграть с ними. При этом мама Роза внимательно следила из окна, чтобы он постоянно оставался в поле ее зрения. Местные игры были ему часто незнакомы, и поначалу он просто наблюдал, как играют другие. Со временем он освоился, и ноющее чувство тоскливого одиночества начало полегоньку отпускать. Только добравшись вечером до кровати, он вдруг снова вспоминал поезд, дорогу и маму, и слезы сами начинали катиться из глаз. Плакал он от обиды. Зачем мама отправила его этим людям? Сначала обманом посадила его в поезд, а теперь и вовсе забыла о нем?

Но утром его опять тянуло во двор, к ребятам. Ровесников было немного, мальчики постарше играли часто в футбол, и ему тоже хотелось побегать вместе с ними. Его не обижали, но в игру пока не принимали, советуя «еще годик поиграть в куличики».

Даже когда он подросток, почти все ровесники оказались сильнее или крупнее его. Ему пришлось научиться драться и преодолевать страх. Отец, дядя Яша, мог научить его считать, но только не драться. Он ведь был такой старый! Кстати, сколько ему было лет? Пятьдесят? Пятьдесят три? Или больше? Тогда все выглядели намного старше. Война всех состарила.

Вероятно, дядя Яша мог научить его тому немногому, что успел узнать сам. Почти лысый, подслеповатый дамский портной в толстых выпуклых пугающих очках, с утра дотемна он только и делал, что латал, перелицовывал, перешивал мужские брюки на женские юбки, пиджаки с рваными на локтях рукавами на жакеты, жилетки и детские пальтишки. Когда-то он тоже хотел учиться, но не пришлось – черта оседлости, нищета, погромы, революции, голод, война, трагедии. Спасибо, что выжил.

А ведь у многих мальчишек во дворе вообще не было никаких отцов. А у него какой-никакой, а был! И он стал называть дядю Яшу папой. Папа покупал ему яблоки, а перед Новым годом доставал где-то зеленые твердые мандарины. Правда, время от времени, уже засыпая, Абочка снова вспоминал маму, которая его все-таки обманула, и сам поезд, и духоту, и закопченные стекла вагонов, которые, наверное, специально не отмывали от сажи, чтобы люди быстрее забыли все, что осталось позади.

Ложась спать, он уже не плакал, а просто вздыхал от ноющего чувства обиды на всех. Но вскоре и это прошло. Так уж устроена детская память, иначе ребенку не выжить.

Глава 5

Ташкент – город теплый

Время шло, и многое из прежней жизни с мамой мало-помалу стало стираться из детской памяти. Да и много ли мог вспомнить Абрам из той своей жизни?

Родился он за десять месяцев до начала войны. Отец, отслуживший три года на Дальнем Востоке и демобилизованный в чине младшего лейтенанта, был уже студентом четвертого курса мехмата университета, когда началась война. Двадцать первого июня сорок первого года он блестяще закончил сдавать весеннюю сессию, а на следующий день сам явился в военкомат. Меньше чем через неделю, поцеловав их с мамой на прощанье, уже в военной форме, отец последний раз помахал им рукой из вагона, чтобы больше никогда не вернуться: ровно через год он героически погиб, сдав на «отлично» последний экзамен в своей короткой жизни. Сколько же было тогда отцу? Абрам так и не узнал.

Десятимесячный малыш не мог запомнить, как теплушка навсегда увозила отца. Не мог вспомнить его лицо, которое видел в тот день последний раз в своей жизни. Не помнил Абрам, как долго мать стояла на пыльной станции, и он, голодный, кричал у нее на руках, а она все стояла и стояла, не в силах сдвинуться с места. Не помнил, как часто, глядя на него, мама горько в голос плакала, словно предчувствуя, что не суждено ее сыну произнести вслух такие простые слова: «Поиграй со мной, папа!» Что вообще могла запомнить такая кроха?

То, что у него был когда-то родной папа, который погиб на войне, долго оставалось для него тайной. Да и зачем было говорить, травмировать малыша, если он еще не понимал, что это такое – жизнь и смерть. Может быть, именно поэтому назвать дядю Яшу папой ему было проще. Лишь после смерти приемных родителей, ровно тридцать лет спустя, найдет он в документах почти истлевшую половинку тетрадного листка в клеточку, исписанную фиолетовыми чернилами: «Ваш муж... героически погиб в бою, освобождая...» И вторую, похожую, справку об усыновлении «ввиду круглого сиротства». Размытые печати, даты, подписи. Позже нашлась еще зачетка студента механико-математического факультета университета, и на ее первой странице сохранилась вклеенная намертво, побуревшая от времени фотография молодого человека в военной шинели – его родного отца, который так и не успел стать для него папой. Одна-единственная фотография – и больше ничего. Наконец Абрам увидел его лицо! Это было первое открытие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.